

18+

Олег Морозов

Прах земной

Следствие по Шестодневу

Олег Морозов
Прах земной. Следствие
по Шестодневу

<https://litres.ru/74302282>

ISBN 9785007085175

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Из провинциального палеонтологического музея исчезает череп неандертальца, а на месте пропажи находят записку с библейской цитатой. Подозрение падает на монаха-каллиграфа, в прошлом — блестящего генетика. Улики указывают на него. Но следователь Воронцов, привыкший доверять фактам, а не версиям, чувствует: дело — не просто кража.

Жанр: психологический детектив с элементами философской иронии.

Содержание

Пролог. Инцидент в музее	5
Глава 1. Следователь, который не хотел здесь быть	8
Глава 2. Допрос сторожа	14
Глава 3. Экспертиза записки	19
Глава 4. Отец N.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Прах земной

Следствие по Шестодневу

Олег Морозов

Дизайнер обложки нейросеть GigaChat

© Олег Морозов, 2026

© нейросеть GigaChat, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8517-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Инцидент в музее

Ночь в провинциальном городе — это не просто время суток. Это особое состояние материи. В десять вечера улицы пустеют, фонари начинают подмигивать с той особой иронией, которая свойственна только бюджетному освещению, а воздух густеет до консистенции киселя — особенно в августе, когда тополиный пух ещё не сдался, а комары уже объявили мобилизацию.

Палеонтологический музей имени профессора Б. — длинное приземистое здание с колоннами, которые архитектор, по-видимому, проектировал в состоянии тихого отчаяния, — стоял на центральной площади и всей своей тяжеловесной нелепостью напоминал динозавра, присевшего отдохнуть и задумавшегося о тщете всего сущего. Музей закрылся в шесть, как обычно. Сторож, Семён Ильич Ковригин, бывший прапорщик, а ныне — хранитель окаменелостей и собственных теорий мироздания, совершил последний обход в девять и удалился в свою каморку — тесное помещение за гардеробом, где пахло валерьянкой, старыми книгами и той особой смесью тоски и уюта, которая бывает только в казённых помещениях, обжитых десятилетиями.

Сигнализация в музее была старая, ещё советская, с красным глазком, который ритмично мигал, как пульс усталого сердца. Семён Ильич ей не доверял. Он вообще мало чему

доверял, кроме собственных глаз и Священного Писания, которое читал на сон грядущий — не столько из религиозного рвения, сколько из уважения к тексту, выдержавшему столько переизданий.

Ровно в два часа ночи случилось то, что впоследствии Семён Ильич опишет в своих показаниях как «тихое, но внушительное безобразие».

Сигнализация не сработала. Красный глазок продолжал мигать с прежней невозмутимостью. Замки на входной двери и на витринах остались целы — ни царапины, ни следа взлома. Но когда сторож, разбуженный странным ощущением (он потом скажет: «как будто кто-то прошёл мимо моей души и не извинился»), вышел в главный зал с фонарём, он обнаружил две вещи.

Первая: центральная витрина, в которой экспонировался череп неандертальца — гордость музея, предмет многолетних споров, объект паломничества немногочисленных туристов и вечный повод для профессорского самодовольства, — была пуста. Стекло не разбито, замок не взломан. Череп исчез, как исчезает утренний туман — без шума, без борьбы, без объяснений.

Вторая: на бархатной подушечке, где ещё вчера покоился череп, лежал листок бумаги. Хорошая бумага, плотная, чуть желтоватая — такие листки Семён Ильич видел только в монастырской лавке, куда иногда заходил за свечами. На листке каллиграфическим почерком — тем самым, каким перепи-

сывали книги до изобретения книгопечатания, — было выведено:

«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2:7).

Семён Ильич прочитал, перекрестился — не столько от испуга, сколько из уважения к цитате, — и позвонил в полицию.

Дежурный, услышав про «пропавший череп» и «записку из Библии», решил, что сторож перепил, но на всякий случай записал вызов. Так дело попало на стол к человеку, который меньше всего на свете хотел им заниматься, но именно поэтому — как это часто бывает в историях, претендующих на глубину, — оказался единственным, кто мог его распутать.

А теперь, читатель, позвольте представить вам главного героя. Он войдёт в следующей главе, и я заранее прошу у вас снисхождения к его дурному настроению. У него были на то причины.

Глава 1. Следователь, который не хотел здесь быть

Алексей Павлович Воронцов имел лицо, которое можно было бы назвать приятным, если бы на нём хоть изредка появлялась улыбка. Но улыбка на этом лице не появлялась уже полгода — с тех пор, как закрылось «дело маньяка», а сам Воронцов закрылся вместе с ним: уволился, уехал из областного центра, поселился в квартире покойной тётки и вознамерился провести остаток жизни в тишине, покое и созерцании потолка. Потолок был старый, с лепниной, и Воронцов находил в его трещинах глубокий метафизический смысл — ровно до того момента, пока не кончился чай.

Он как раз стоял у окна с пустой кружкой и размышлял, не выйти ли ему наконец в магазин, когда зазвонил телефон. Звонил полковник Громов, его бывший начальник, человек с голосом, напоминающим звук танкового двигателя на холостом ходу.

— Алексей Палыч, — прогудел Громов, минуя приветствия, как танк минует цветочную клумбу, — у нас тут дело. Пустьяковое. Музейное. Но нужен человек с головой. А голова у тебя, я помню, была. Может, и осталась.

— Я в отставке, — сказал Воронцов.

— Я тоже, — ответил Громов. — Каждую ночь. А утром

встаю и иду на службу. Давай, подъезжай. Музей имени профессора Б., знаешь где. Там сторож Библию цитирует, а директор орёт. Весело.

Воронцов хотел отказаться. Он открыл рот, чтобы произнести слова «я не занимаюсь кражами из музеев», но вместо этого услышал собственный голос, произнёсший: «Через полчаса буду». Повесив трубку, он посмотрел на кружку с укоризной — словно это она была виновата в его необъяснимой уступчивости.

Музей имени профессора Б. встретил Воронцова запахом нафталина, старой штукатурки и чего-то ещё — неуловимого, похожего на запах времени, если бы время имело запах. В вестибюле толпились люди: два сержанта с лицами, выражавшими крайнюю степень недоумения, женщина в очках (позже выяснилось — хранитель фондов), и высокий сухощавый господин с седыми висками и осанкой человека, привыкшего, что его слушают, даже когда он говорит глупости. Это и был профессор Г., директор музея.

— Вы следовательно? — спросил профессор, окидывая Воронцова взглядом, каким оценивают сомнительный экспонат. — Наконец-то. У меня украли череп. Неандертальца. Вы понимаете, что это значит?

— Понимаю, — сказал Воронцов, хотя не понимал ровным счётом ничего. — Пройдёмте в зал.

Главный зал музея был просторен и тёмн. Свет проникал

сквозь высокие окна, за которыми тополя роняли пух, и в этом свете скелеты динозавров выглядели почти живыми — точнее, почти мёртвыми, что для скелетов вполне естественно. В центре зала, под стеклянным колпаком, зияла пустота. Бархатная подушечка, на которой ещё вчера покоился череп, была пуста, если не считать листка бумаги.

Воронцов подошёл, наклонился, прочитал. «И создал Господь Бог человека из праха земного...»

— Это уже исследовали? — спросил он, не оборачиваясь.

— Мои сотрудники, — сказал профессор. — Я не позволил трогать улики до вашего прихода. Я смотрю детективы.

— Похвально, — сказал Воронцов. — Кто обнаружил пропажу?

— Сторож. Вот он.

Семён Ильич Ковригин стоял у дальней витрины, переминаясь с ноги на ногу, и вид имел одновременно виноватый и торжественный — как человек, которого застали за чтением чужих писем, но письма оказались от императора.

— Семён Ильич, — представился он, когда Воронцов подошёл. — Прапорщик в отставке. Сторож. Читатель.

— Что именно вы читаете? — уточнил Воронцов.

— Всё, — сказал сторож. — Но в основном Книгу.

— Он имеет в виду Библию, — язвительно пояснил профессор из-за спины. — У него тут целый кружок. Свечи, псалмы, «спаси-господи». Я давно говорил, что это ненормально.

— Нормально, — сказал Воронцов, не оборачиваясь. — Расскажите, Семён Ильич, что вы видели.

Сторож вздохнул, поправил очки и начал рассказ — сбивчивый, пересыпанный цитатами и отступлениями, но в целом ясный. В девять вечера он сделал обход. Всё было на месте. В два ночи проснулся от странного ощущения — «как будто кто-то прошёл мимо моей души и не извинился», — вышел в зал и обнаружил пропажу. Сигнализация не сработала. Замки целы. На стекле — ни царапины.

— Вы спали? — спросил Воронцов.

— Дремал, — признался сторож. — Но я всегда дремлю. Дремота, Алексей Палыч, это не сон. Это особое состояние бодрствования. Многие великие открытия были сделаны в дремоте. Менделеев, например...

— Менделеев спал, — перебил Воронцов. — Это другое. Скажите, Семён Ильич, — он понизил голос, — вы заметили что-нибудь необычное до того, как проснулись? Запах? Звук?

Сторож задумался.

— Запах, — сказал он наконец. — Был запах. Как в церкви. Ладан. Или воск. Я ещё подумал: откуда?

Воронцов кивнул и отпустил сторожа. Профессор, всё это время стоявший поодаль с выражением крайнего нетерпения, шагнул вперёд.

— Это они, — сказал он. — Эти... из монастыря. У них там настоящий рассадник. Мракобесы. Они мне уже полгода

письма пишут — мол, уберите из экспозиции «кошунственную подделку». А я им отвечаю: это наука. Факты. Доказательства.

— Письма сохранились? — спросил Воронцов.

— Я их выбрасывал, — сказал профессор. — Но вчерашнее не выбросил. Вот.

Он протянул конверт. Воронцов извлёк листок — такая же плотная желтоватая бумага, тот же каллиграфический почерк. Текст гласил: «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает. Что посеет человек, то и пожнёт» (Гал. 6:7).

— Это угроза? — спросил Воронцов.

— А вы как думаете?

— Я думаю, — сказал Воронцов, убирая конверт в папку, — что апостол Павел не стал бы угрожать. У него другой стиль.

Профессор побагровел, но ничего не сказал. Воронцов попрощался, вышел из музея и закурил, глядя на тополиный пух, который медленно, как снег в замедленной съёмке, опускался на брусчатку.

Дело было пустяковое. Череп — слепок, не оригинал. Ценности — никакой. Но что-то не давало ему покоя. Не записка, не почерк, не даже ладан. А то, как сторож сказал: «прошёл мимо моей души».

У Воронцова было правило: не верить в совпадения. Особенно в те, которые не поддаются объяснению.

Он затушил сигарету и пошёл к машине. Впереди был мо-

настырь, отец-каллиграф и разговор, который изменит если не ход расследования, то что-то другое — то, что Воронцов пока не готов был называть даже про себя.

Глава 2. Допрос сторожа

Допрос — это слишком громкое слово для того, что происходило в каморке Семёна Ильича Ковригина. Скорее, это была беседа двух отставников, один из которых временно наделён полномочиями, а другой временно их лишён. Каморка располагалась за гардеробом, имела одно окно, выходящее во внутренний двор, и вмещала в себя: раскладушку, тумбочку, электрический чайник, икону Спаса Нерукотворного, портрет маршала Жукова и стопку книг, которая росла, казалось, сама по себе — как грибница.

— Чай? — спросил Семён Ильич, включая чайник.

— Давайте, — сказал Воронцов, усаживаясь на единственный стул. Сторож примостился на раскладушке, и та жалобно скрипнула под его весом.

— Значит, Семён Ильич, — начал Воронцов, — вы утверждаете, что в два часа ночи проснулись от странного ощущения.

— Не от ощущения, — поправил сторож. — Ощущение — это следствие. Причина была иная.

— Какая же?

Сторож помолчал, разливая кипяток по кружкам. Кружки были разные: одна с надписью «ВДНХ», другая с портретом Менделеева.

— Вы, Алексей Палыч, в Бога верите? — спросил он

вдруг.

— Я следовательно, — сказал Воронцов. — Я верю в факты.

— Факты — это хорошо, — кивнул сторож. — Факты — это то, что остаётся, когда всё остальное уходит. Но факты бывают разные. Вот, скажем, факт: сигнализация не сработала. Замки целы. Стекла не тронуты. Это факты?

— Факты.

— И что они означают?

— Что кто-то знал, как отключить сигнализацию, и имел ключи.

— Логично, — согласился сторож. — А другой вариант?

— Какой?

— Что никто не входил.

Воронцов отхлебнул чай. Чай был крепкий, с привкусом мяты и ещё чего-то — кажется, валерьянки.

— Вы хотите сказать, что череп исчез сам собой?

— Я хочу сказать, — сторож понизил голос, — что в мире есть вещи, которые не описываются протоколом. Вы же следовательно, вы должны знать: самое простое объяснение — не всегда самое верное. Иногда самое простое — это то, что лежит за пределами нашего понимания, но при этом является фактом.

— Например?

— Например, любовь. Или совесть. Или запах ладана в пустом музее в два часа ночи.

Воронцов отставил кружку. Он чувствовал, что разговор

уходит куда-то не туда — вернее, туда, куда он сам не хотел бы его направлять.

— Давайте вернёмся к ладану, — сказал он. — Вы уверены, что это был именно ладан?

— Я в церкви сорок лет, — сказал сторож. — Ладан от воска отличу. Это был ладан. Хороший, афонский. И ещё — тишина.

— Тишина?

— Да. Когда я проснулся, было тихо. Не как обычно — когда холодильник гудит, или машина за окном, или мышь скребётся. А абсолютно тихо. Как в храме перед «Отче наш». Вы замечали? Перед «Отче наш» всегда наступает тишина. Даже дети перестают плакать.

Воронцов не замечал. Он вообще редко бывал в храме.

— И в этой тишине вы пошли в зал?

— Не сразу. Сначала я лежал. Прислушался. А потом пошёл.

— Почему?

— Потому что понял: что-то случилось. Не в том смысле, что преступление, — сторож усмехнулся, — а в том смысле, что событие. Есть разница. Преступление — это когда кто-то нарушил закон. Событие — это когда кто-то нарушил ход вещей.

Воронцов достал блокнот. Он всегда доставал блокнот, когда не знал, что сказать.

— Вы говорили, что за несколько дней до происшествия

видели, как профессор спорил с кем-то в подвале.

— Видел, — кивнул сторож. — С аспирантом своим. Молодой такой, дёрганый. Профессор кричал: «Ты понимаешь, что это конец всему?!»

— Конец чему?

— Не знаю. Я не подслушивал. Я мимо шёл.

— А что вы делали в подвале?

— У меня там кладовка. Я туда хожу думать. В подвале думается лучше — там нет окон, и время течёт иначе.

Воронцов записал в блокнот: «Подвал. Кладовка. Время течёт иначе». Потом зачеркнул последнюю фразу.

— Семён Ильич, — сказал он, закрывая блокнот, — вы верите, что этот череп — подлинный? Что ему сорок тысяч лет?

Сторож посмотрел на него долгим взглядом.

— Алексей Палыч, — сказал он тихо, — я не верю, что чему бы то ни было сорок тысяч лет. Я читал Книгу Бытия. И я видел, как растут дети. Сорок тысяч лет — это много. Слишком много, чтобы быть правдой.

— А сколько, по-вашему, лет Земле?

— По-моему? — сторож улыбнулся. — По-моему, Земле столько лет, сколько нужно, чтобы на ней вырос сад. Чтобы человек в нём поселился. Чтобы согрешил. Чтобы был изгнан. Чтобы вернулся. Вот сколько.

— Это не научный ответ.

— Это честный ответ. Наука не знает, сколько лет Земле.

Она знает, сколько лет показывает прибор. А прибор показывает то, во что верит тот, кто его настроил.

Воронцов встал. Разговор исчерпал себя — или, наоборот, только начинался, но уже за пределами этой каморки.

— Спасибо за чай, — сказал он.

— Приходите ещё, — сказал сторож. — У меня есть книга. Вам понравится.

— Какая?

— «Беседы на Шестоднев». Святитель Василий. Занимательное чтение. Особенно для следователя.

Воронцов вышел из каморки, прошёл через пустой зал, где скелеты динозавров всё так же задумчиво смотрели в вечность, и остановился у дверей.

Запах ладана — или то, что он принял за запах ладана, — всё ещё витал в воздухе. Или ему казалось.

Он вышел на улицу, закурил и посмотрел на музей. Музей смотрел на него пустыми глазницами окон.

«Событие, — подумал Воронцов. — Не преступление. Событие».

И пошёл к машине.

Глава 3. Экспертиза записки

Монастырь стоял на холме над рекой — белые стены, золотой купол, колокольня, уходящая в небо с той спокойной уверенностью, которая свойственна только по-настоящему старым постройкам и по-настоящему молодым деревьям. Воронцов поднялся по каменной лестнице, миновал арку с фреской Страшного суда (бесы на фреске выглядели удручающе современно — словно сошли с заседания учёного совета) и оказался во внутреннем дворе. Пахло яблоками, воском и той особой тишиной, которая бывает только в монастырях — не пустой, а наполненной, как вода в колодце.

Ему нужен был отец N. Тот самый монах-каллиграф, чей почерк опознали в записке. Воронцов ожидал увидеть сухонького старичка с трясущимися руками. Вместо этого из кельи вышел человек лет пятидесяти, высокий, с седыми висками и взглядом, в котором смешивались усталость, ирония и что-то ещё — Воронцов мысленно определил это «что-то» как «неуместное спокойствие».

— Это вы, — сказал монах, и это был не вопрос. — Проходите. Чай? Кофе? Валерьянка?

— С чего вы взяли про валерьянку? — спросил Воронцов, входя в келью.

— У вас лицо человека, который последние полгода разговаривает в основном с потолком, — сказал отец N., доста-

вая чайник. — Потолок — собеседник интересный, но однообразный. Присаживайтесь.

Келья была маленькая, но не тесная. Стены занимали книги — не только богословские, но и по биологии, генетике, физике. На подоконнике стоял микроскоп. Рядом с иконой Спасителя висел портрет Грегора Менделя — того самого, с горохом. Воронцов заметил это сочетание и усмехнулся про себя.

— Вы хотели спросить про записку, — сказал отец Н., разливая чай. — Да, это мой почерк. Я узнал его сразу, как только ваш сотрудник показал копию.

— Когда вы её написали?

— Я её не писал.

Воронцов отставил чашку.

— Объясните.

— Это мой почерк, но это не моя записка, — сказал монах. — Я не писал этих слов на этом листке. Я вообще не пишу на бумаге. Я пишу в книге отзывов, которую мне присылают из семинарии, и подписываю поздравительные открытки на Пасху. Всё. Никаких библейских цитат на музейных бланках.

— Тогда как вы объясните, что экспертиза подтвердила идентичность почерка?

— Очень просто. — Отец Н. откинулся на спинку стула. — Кто-то скопировал мой почерк. И сделал это настолько хорошо, что эксперт не отличил копию от оригинала. Что,

кстати, говорит о том, что этот «кто-то» обладает недюжинным талантом. Или недюжинным мотивом.

— Кому мог понадобиться ваш почерк?

— Вот это правильный вопрос, — одобрил монах. — Только давайте подойдём к нему системно. Кто мог иметь доступ к образцам моего почерка? Во-первых, любой, кто бывал в монастырской лавке — я подписываю книги для посетителей. Во-вторых, любой, кто видел мои рукописи — я даю их в семинарскую библиотеку. В-третьих...

Он замолчал.

— В-третьих?

— В-третьих, профессор Г., директор музея. Мы с ним знакомы. Давно.

Воронцов подался вперёд.

— Знакомы?

— Мы учились вместе. Биологический факультет. Он пошёл в эволюционную биологию, я — в молекулярную генетику. Лет десять работали в одной лаборатории. Потом наши пути разошлись. Я ушёл в монастырь, он — в музей.

— Почему вы ушли?

Отец N. посмотрел на портрет Менделя, потом на икону, потом на Воронцова.

— Потому что я увидел то, чего не мог объяснить, — сказал он. — И не мог перестать об этом думать.

— Что именно?

— Информацию.

— Простите?

Отец N. взял со стола книгу — потрёпанный томик в мягкой обложке, — открыл на закладке и прочитал вслух:

— «Последовательность нуклеотидов в ДНК представляет собой цифровой код, содержащий инструкции по сборке белковых молекул. Этот код обладает свойствами, характерными для языковых систем: наличием алфавита, синтаксиса и семантики. Во всех известных нам случаях языковые системы возникают только в результате деятельности разумного агента».

Он закрыл книгу.

— Это учебник молекулярной биологии. Светский. Никакой религии. Читайте между строк.

Воронцов молчал. Он привык к тому, что на допросах говорят либо правду, либо ложь. Но здесь было что-то третье — нечто, что не укладывалось в протокол, но при этом звучало убедительнее любого признания.

— Вы верите, что жизнь создана? — спросил он наконец.

— Я знаю, что жизнь создана, — поправил отец N. — А верю я в то, что это знание меняет всё.

— И профессор Г. знает о вашей позиции?

— Конечно. Он называет меня «дезертиром науки». Мы не общаемся лет пятнадцать. Но он знает мой почерк. И он знает, где взять его образцы.

— Вы обвиняете его в подлоге?

— Я никого не обвиняю, — сказал монах. — Я просто

указываю на логическую возможность. Вы следовательно — вы и разбирайтесь. А моё дело — молиться. И иногда консультировать следователей, которые приходят ко мне с записками, которых я не писал.

Воронцов допил чай. Чай был хороший — с бергамотом и ещё какой-то травой, которую он не смог опознать.

— Почему вы ушли из науки? — спросил он вдруг. — Только честно.

Отец Н. улыбнулся — первый раз за весь разговор.

— Потому что я стоял перед выбором: признать, что за информацией стоит Разум, или сделать вид, что я этого не понимаю. Первое вело к Богу. Второе — к шизофрении. Я выбрал первое. И ни разу не пожалел.

Воронцов встал. Он чувствовал, что разговор окончен — не потому, что не о чем говорить, а потому, что сказано уже больше, чем он мог вместить.

— Я ещё приду, — сказал он.

— Я знаю, — ответил монах. — Дверь открыта. В прямом и переносном смысле.

Воронцов вышел во двор. Яблони роняли плоды в траву. Колокол ударил к вечерне. И где-то глубоко внутри — в том месте, которое он привык считать закрытым навсегда, — что-то шевельнулось. Не вера. Но, возможно, её предчувствие.

Глава 4. Отец N.

Они сидели в монастырском саду. Яблони, старые и ко-
рявые, роняли плоды в траву, и в воздухе стоял тот особый
сентябрьский дух — смесь антоновки, ладана и уходящего
лета, — который настраивает на размышления даже тех, кто
обычно предпочитает не размышлять, а действовать. Ворон-
цов относился ко второй категории, но сегодня что-то пошло
не так.

Отец N., в простом подряснике и стоптанных сандалиях,
сидел на скамейке, сцепив руки на колене, и смотрел на за-
кат. Точнее, он смотрел сквозь закат — туда, где за оранже-
вой полосой уже проступали первые звёзды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.